

С. А. Венгеров. «Литва».
(Музей Им. Александра Худ.)

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТ.
Петербург, Москва, Варшава, Харьков, Киев, Орск, Тамбов, Вязьма, Ростов на Д.,
Самара, Баку, Рига, Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Уфа.

красивоцветущих на грядках сизый земляника, которая несет трех-
даты, уступает место на 4 года цветочным многолетникам.
Тут мы находим: мизорный тысячелистник „Жемчуг“ (*Achillea*
ptarmica „The Pearl“), крапива на самых разнообразных краси-
вильных сортах (*Aquilegia*), эффектные акониты (*Aconitum na-*
pellus *P. coelestis*), хитрый анемон „Янза Фельманна“ (*Ane-*
mon tuberosa „Else Feltmann“), альпийская астра (*Aster alpinus*
P. xerophila), астра амальгам (*A. amelia*), маргаритка (*Belio peten-*
sis) в сортах „Сибирский шар“ и „Помфред“, садовая гво-
здика (*Dianthus chinensis*), фунария (*Fuchsia ovata albo-marginata*),
прекрасная фикусостер (*Phytostegia speciosa grandiflora*) близка и
розовая, кипарисовый белый (*Campanula persicifolia alba*), попо-
ночек крупноцветный (*Chrysanthemum maximum*), анемоник, сапос,
дорониум, лютик, кустовый, гайлардия, изысканная геллистер,
пелли, жем, флоксы, рудбекия и т. д.

Росы-любимый цветок хозяина, составляют одно из глав-
ных украшений сада. Тут „для женщины“! Одинак, тем-
но-красный 6 сортов: Madame Victor Verdier, Ulrich Brunet, Gé-
nérat Inquart, Marie Bauman, Eugène Fürst, Huguette Verdet.

В теплицах выводится множество сортовых растений, дру-
гие, больше, требующие теплых зимних помещений, цветочные
растения, частью для высадки в грунт, в партер перед ве-
рандой дома, частью на самой веранде. План и группировка цве-
тов в партер, равно как и сорта их, ежегодно меняются
по рисунку, дизайну самих хозяев, и до сих пор оза-
д и те же формы и сочетания еще не повторялись.

Кабинет бар. А. Г. Кюрринга
в Екатеринентае.

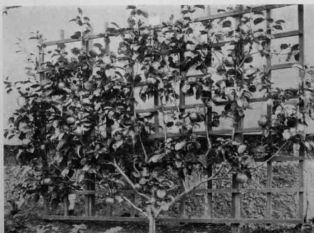
Общий вид дома в Екатеринентае.

Шпалерные яблоки в саду Енотеринтала.

Вальс забора, защищающего насаждения с северной стороны, на свободных пространствах разсажены рядами и тщательно разграничены шпалерными деревьями, в основном в свободных формах и в таких же сортах, как и в кор-

Среди деревьев и кустарников тоже весьма разнообразная коллекция красивых декоративных пород; относительно многих из них можно лишь удивляться, насколько они оказались способными приспособиться к местным условиям. Например, прекрасный экземпляр тиса (*Taxus baccata*) превосходно выдержал уже 12 лет в местных условиях, причем только первые три года

Нордманские яблони в саду Ботанического сада.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДАМСКОЙ МОДѢ.

„Une mode détruit à peine une autre mode, qu'elle est abolie par une autre plus nouvelle, qui cède elle-même à celle qui la suit et qui ne sera pas la dernière... Telle est notre légèreté“

La Bruyère.

„Спроси зарождающегося предложения“, — говорят экономисты. Съ увеличением числа женщин, желающих быть по моде одетыми, увеличилось и количество портных и портних, получивших, въ свою очередь важное значение въ глазах наших современников. Но по мѣрѣ того, какъ количество ихъ увеличилось, авторитетъ ихъ уменьшился и теперь можно съ уверенностью сказать, что, если они и „дѣлать“ моду, то нечужд, красна, а если не имъ выдаиваются, а подражаютъ имъ, въ большинствѣ случаевъ, желанію предельного роя ихъ заказчиковъ. Вообще же всѣ эти замислы, идеи и изысканія принадлежатъ искусу и некому: „Be faites dans l'air, какъ говорятъ французы, и тотъ становится ихъ обладателемъ, который прежде другихъ сумѣлъ одѣнуть ихъ и надѣять ихъ на легу.“

Особенная черта нашего времени въ области дамской моды — это умноженіе престижа Парижа, какъ единственнаго законодателя моды. Теперь умирать и любить одѣваться въ Лондонъ, въ Блэк, въ Берлинъ, въ Петербургъ, Нью-Йоркъ и въ Буэнос-Айресъ. Это настолько вѣрно, что многие парижские портные и портнихи, даже изъ извѣстныхъ кружевныхъ, какъ Навиль, Делье, Дремондъ, Маршалъ и Арманъ, Бу и пр., открыли уже свои отдѣленія въ другихъ столицахъ и стараются на мѣстахъ превратить свои заказы и распространять свои моды.

Въ наше время года подвизаются съ такой головокружительной быстротой, что десять лѣтъ теперь уже прошла эпоха, и намъ кажется уже исторіей то, что было только вчера.

Такой исторіей въ области женскихъ модъ представляется появленіе дамскихъ портныхъ. Ихъ было вначалъ немного: Ворта, потомъ Жакъ Дукъ, Редеринъ, потомъ Бенсюръ Паксонъ, потомъ Пуаръ. Во времена Ворта и Бенсюръ Дукъ дамскія моды зарождались и исполнялись исключительно въ Парижѣ. Тогда женщины дѣлательными путемъ являлись сами, „des fois de la couture“, но прошло только два десятиа лѣтъ и картина рѣзко измѣнилась: портной уже не было, ихъ мѣста были заняты исключительно десятками кондитеровъ, сблизившихся въ Парижѣ со всѣми концами искуства. Эти люди для распространения своихъ идей, своихъ „créations“, своихъ изысканій и просто своего товара обратились къ женскимъ журналамъ и даже къ газетамъ.

Красиво савишавшая сучья и вѣтви плачула осень образуетъ прекрасную картину. Осень этотъ посажена хвойными еще въ 1878 году, въ годъ покупки дачи. Любопытное отношеніе къ своимъ питомцамъ стоитъ въ малыхъ средствахъ.

„Я могъ бы сдѣлаться банкротомъ“, говоритъ почтенный хозяинъ, „да-да, мнѣхъ любительскихъ порывовъ къ садоводству, если бы не владѣлъ возможностью покрывать изобретательную долю моихъ расходовъ продажей изысканныхъ растений, плодовыхъ и цвѣтковыхъ“. Доловыми статьями служатъ въ особенности многократныя саженья земляники и малины, рѣзные сады розъ, яблони земляники.

Модные журналы съ картинками и съ выкройками существовали уже давнымъ давно. Но она была мало распространена и мало доступна массѣ по своей цѣнѣ. Газеты же не печатали модныхъ рисунковъ и почти никогда не писали о модахъ. Самое трудное было заставить газеты говорить о модѣ. Когда же это было достигнуто, когда одна за другой почти всѣ газеты мира, дабы не отстать другъ отъ друга, завели на своихъ страницахъ отдѣлы дамскихъ модъ, и самъ цѣлостный и важный „Times“ авторитетно о „женскихъ трендахъ“, портные и портнихи открыли новую побѣду. Тогда стало очень легко знакомить миръ о всѣхъ новостяхъ женскаго фешона, стало также очень легко издавать десятки новыхъ модныхъ журналовъ, которые начали существовать не за счетъ читателей, а за счетъ синдиката портныхъ. Одновременно съ этимъ умножились и ускорились пути сообщенія и способы передвиженія помогая скорѣе и легче распространить новое теченіе въ области моды по поверхности земного шара. Тогда какъ прежде требовалось иногда годъ и почти всегда изъ-за морскихъ мѣсяцевъ, чтобы послѣднія парижскія моды стали вѣстими въ отдаленной Европѣ и въ Америкѣ, теперь достаточно было изъ-за морскихъ дней, чтобы получить тотъ же результатъ.

Большіе подспоріи оказались также фотографіи, съ помощью которой стало возможнымъ печатать въ журналахъ и въ газетахъ точныя воспроизведенія новыхъ моделей платья, шляпъ и разныхъ другихъ атрибутовъ женскаго туалета.

Еще во времена Первой Имперіи модные дамскіе журналы приболѣли къ рисовальщикамъ, дабы съ ихъ помощью вульгаризировать „творенія“ тогдашнихъ законодатель модъ. Но почти всѣ эти рисунки, даже наиболее удачныя, какъ, впрочемъ, тѣ, которые были опубликованы Ла Миссандрьеръ, были только своеобразными надувами моды Гарверъ и Горса Вера.

Въ первую половину прошлаго столѣтія Гаварни и Дежиръ старались изобразить на своихъ модныхъ картинкахъ дѣйствительно живыхъ людей, а не только манекеновъ. Ихъ авторитетъ и сила ту же цѣлостность документа, какъ и портреты Первой Имперіи. Они были правды и ихъ дѣйствительно можно было копировать.

Модные журналы и газеты съ фотографическими снимками оказались во всѣхъ рукахъ, ими замѣнялись, ихъ модели копи-

платья, и портнихи стали получать со всех концов света заказы на платья и шляпы, оригиналы которых были напечатаны в этих периодических изданиях.

Литература, искусство, театр имели всегда большое влияние на женскую моду. Во времена романтизма, когда женщины старались иметь матовый цвет лица и железную тоску в глазах, а мужчины носили длинные волосы и пили punch из черепов, чтобы казаться демоническими, Виктор Гюго оказывал большое влияние на женскую моду своими песнями из средневековой жизни. Тогда каждое платье казалось театральным костюмом.

Улические романтики «костюмы» и «перехаживание» возобновились в начале 80-х годов, когда стали свирепствовать префафизмы, английскими художниками и эстетиками, и боттичеллизм, популяризированный во Франции Полин Бурже и позднее Робертом Сисераном. То были годы, когда женщины носили плоские шляпы, собственную волю и отдавались в лапы уродливых, швейцарских тонов, падающих спокойными длинными складками, как на картинах Боттичелли и Бонифаго. Но вскоре настала реакция; самыми модными стали считаться материя зрелых и рыхлых цветов: темно-синий, темно-зеленый. Одновременно волосы окрасились в рыжий, медный и золотистый оттенки, их стало варить очень много, они падали каскадами, поднимались в виде бахромы. То было время, когда все увлеклось Лорей Фоллерс...

Появились Фоксинские багеты, и волосы спрятались под тюрбанами «Шехерезады» и «Ислам», в итоге жемчужная носовая шаровары. Парижский модный мир услаждался вдруг новой феминизмом Поль Пуаро. Безусловно этот сильный поворот в области женской моды вылился в какие-то идеи, тем не менее, он ничего с собой не связал бы, если бы не окружал себя целой плеядой талантливых художников, среди которых первое место занимают и продолжают еще занимать Пьер Бриссо, Жорж Ленни, Бернар Бут де Монпель. Все эти рисовальщики и акварелисты имели богатый материал в сюжетных и постановочных русских багетах. К этому увлечению Востоком прибавилось воспоминание о Директоре, о тонких силуэтах в легких материях прошлого столетия на фоне французских и английских парков.

Влияние русского багета отозвалось также и на французской арт. Молодые парижские поэты, по своей очереди, стали воспевать Персию и Версаля, султанов и шейх в бледной бальбойной, которую бездельно любил восторженный Альфред де Мюссе.

Как во время Лорей Фоллерс, так и в те годы, когда вся Европа увлекалась русским багетом, господствовали яркие краски и смелые сочетания тонов. Некоторые, однако, были увлечены классической бланной и простотой парижской Айлсори Дункан

и начали ей подражать. Но во многих случаях главной заботой было сохранить линию и преосуществить тлау наибольшую гибкость и свободу. То была эпоха увлечения контурами и абрисами.

Но именно это увлечение не нравилось, и в утробу ниб была создана юбка с «digne».

Параллельно началась другая реакция против ярких тонов восточных багетов, и зародилась мода на «серое и белое». Эта мода заключалась, главным образом, в рисунках Обри Бертисей; в Париже ее поддерживали некоторые дамы высшего общества, находившие не без основания, что черные цвета всегда очень «habille», а белый всегда «très distingué».

Мода на «blanc et noir» отбывала, появившемуся вдруг во Франции пост некоторых политически осложненных, желающих быть во что бы то ни стало нравственным и правительством. Это стремление явилось, конечно, ослепло, но появилась другая забота, тоже зародившаяся из политического почва, забота о чистоте. На этой почве выросла странная мода носить животы, как в свое время, пост первого представления «Шантеклера», зародилась мода на эретики, марабу и прочие штаны украинцы, как еще ранее это «Феодора» Виктория Сара навязала моду на анти-тифис материи и образцы...

Мода на «blanc et noir» прошла, животы не превратились. Тем не менее дамские кофточки ширятся во все стороны, юбки собираются спереди в складки, а формы и линии, которые еще так недавно старались подчеркнуть, исчезают под широкими манто или прическами из тяжелых складками различных тканей и в Ринальдо Ринальдини.

Эти платья — последние слово женской моды. Некоторые из них тоном юбки с картин Пьеро Лонги, иллюстрированного для нас Венсцансией карнавал XVIII столетия, другие, более тяжелые и мрачные, с картин немца Гейн. Их делают из разных материй и цветов, на разных подкладках, с разными воротниками. Но какой ни был бы их цвет и из какой они ни были бы сделаны материи, все-таки это неестественно, и эта мода, зародившаяся ниббей весной на скаковых ипподромах Отдыва и Лондана, служит скорее показателем уменьшения вкуса анонимной толпы законодательницы женских мод, чем говорит в пользу их. Конечно, платья эти, как это называют в Париже, «арте» привлекают в некоторых случаях, они очень полезны для таинственных свиданий и крошечных попойек в духе средневековья: но в наше прозаическое и гласное время ему вряд ли можно найти другую роль, как роль далеко несовершенного заместителя обыкновенного зонта.

Николай Бряжанинов.

Рис. Ф. ВАЛОНА.
(Соб. Г. Э. Галерея).

„Le Bon Marché“. Рис. Валетона. (Соб. Г. Э. Газет).

ПЕТЕРБУРГЪ, КАКЪ ОНЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ПАРИЖАНИНУ.

(Переводъ съ рукописи).

Сострадательной землекопкѣ, которая согласилась бы разсѣять мои сомнѣнія, я почтительно посвящаю эти строки.

Наивный путешественникъ, воображившій, что съ остановкой поѣзда на Варшавскомъ вокзалѣ, онъ дѣйствительно прибылъ къ мѣсту своего назначения, оказался бы жертвой иллюзій. Правда, онъ у цѣли своего путешествія, но ему предстоитъ еще большая прогулка пѣшкомъ, прежде чѣмъ онъ доберется до выхода. За исключеніемъ, можетъ быть, нордъ-экспресса, всѣ русскіе поѣзда останавливаются обыкновенно за нѣсколько верстъ отъ вокзала потому, что эти вокзалы построены не въ ширину, какъ на Западѣ, а въ длину... Путешественникъ, выходя изъ Варшавскаго вокзала, находится, если и не въ Варшавѣ, то, во всякомъ случаѣ, и не въ Петербургѣ, ибо прилегающія къ вокзалу улицы не даютъ никакого представленія о томъ, гдѣ вы находитесь...

Я всегда, но тише, старался разрѣшить слѣдующую загадку: почему вокзалы городовъ восточной Европы — будь то Петербургъ, Бѣлградъ, Софія или хотя бы только Мустафа-Паша, съ которыми я познакомился при весьма трагическихъ обстоятельствахъ, во время Балканской войны, — почему эти вокзалы всегда такъ отдалены отъ города?

Петербургъ — самая дождливая и холодная столица Европы, а между тѣмъ, въ немъ встрѣчаются, главнымъ образомъ, открытыя пролетки и санки. Я, конечно, понимаю, что эти санки придаютъ городу, покрытому бѣлой пеленой, весьма живописный видъ, тѣмъ не менѣе, они не защищаютъ отъ непогоды и вѣтра, а одинъ только Богъ вѣдаетъ, какъ бывають иногда жестоки петербургскіе вѣтры!

Хоти я и рискую являть на себя негодованіе Петербургскаго Городскаго Управленія, и все же долженъ признать, что городъ этотъ освѣщенъ весьма слабо. И, несмотря на это обстоятельство, всѣ наемныя экипажи ѣздятъ по улицамъ безъ фонарей. Если вы возразите мнѣ, что Парижъ въ нѣкоторыхъ своихъ кварталахъ заслуживаетъ громкаго названія „свѣточа міра“ лишь въ переносномъ смыслѣ, я отвѣчу, что именно потому-то наши экипажи и слабѣе фонарями; въ Петербургѣ же однимъ автомобилемъ разрѣшено зажигать свои рефлекторы, благодаря чему получается такой курьезъ: изъ-за темноты не видно экипажа, автомобиля же не увидите потому, что онъ вѣсь ослѣпляетъ!

Говорить, что Петербургъ половину года съ-
ется даромъ, дневнымъ свѣтомъ. Но прекрасная,
похитительная бѣлья ночи, являющаяся предметомъ
такого энтузиазма для сентиментальнаго путешествен-
ника, тяжело отказываются на здоровьи тѣхъ, кто лю-
битъ поспать: для защиты отъ свѣта у него нѣтъ
плотно прикрывающихся ставенъ, которыя имѣются
во всѣхъ домахъ Западной Европы; существующія
занавѣси, какъ бы онѣ ни были толсты, защищаютъ
далеко не въ совершенной степени...

Иностранцевъ, живущихъ въ Петербургѣ и не имѣю-
щихъ мундира, чувствуется себя немного униженными.
Если нѣкоторые русскіе и не носятъ мундира каждый
день, то большинство надѣваетъ въ торжественныхъ
случаяхъ мундиры роскошные и увѣшанные сплосъ
орденами и регалиями. Англичанинъ, говоря о французѣ,
замѣчаетъ: «это господинъ, который вѣкъ лягушечъ».

Между тѣмъ, есть чело-
вѣкъ, который не но-
ситъ мундира и къ кото-
рому я не испытываю ни
малѣйшаго состраданія.
Этотъ чело-
вѣкъ—хозяинъ
ночныхъ ресторановъ. Что
можно тамъ получить на
наши скромныя француз-
скія деньги! Наибольше
доходной статей рестора-
на являются, повиди-
мому, разнообразная за-
куска. Абсолютно недо-
ступная по цѣнѣ, онѣ оди-
способны въ одинъ вечеръ
опустошить карманъ лю-
бому парижскаго рантье.

«C'est de la belle ou-
vrage»,—сказалъ бы Гав-
рошъ.

Французъ увѣряетъ,
что если деньги имѣютъ
плоскую форму, то это для
того сдѣлано, чтобы ихъ
легче можно было бы ста-
вить столпочкой; русскій
же, очевидно, находитъ,
что если они круглы, то только для того, чтобы лучше
могли катиться. И они катятся, катятся... во
всѣхъ слояхъ общества. Вотъ примѣръ изъ числа
многихъ: я зналъ одного торговца мебелью, который
однажды пришелъ просить у меня 200 руб. для не-
отложной оплаты какого-то векселя. Онъ увѣрялъ,
что это былъ крайній срокъ. Вечеромъ я встрѣтилъ
его, плывущимъ шампанское въ ночномъ ресторанѣ въ
обществѣ декоративной особы, сверкающей брил-
лянтами. Я поздравился съ нимъ, и онъ объявилъ мнѣ
свежа повзрительственнымъ тономъ, что намѣренъ
провести остатокъ ночи въ другомъ ресторанѣ, и что,
конечно, завтра не преминетъ присутствовать въ ложѣ
на первомъ представленіи новой оперетты. Я пока-
зывать на минуту объ участи монаха 200 руб., но, тѣмъ
не менѣе, онъ мнѣ страшно импонировалъ...

Впрочемъ, буду откровененъ. Мнѣ нравится это
презрѣніе къ деньгамъ, проявляющееся у русскихъ

въ такой высокой степени. Человѣкъ, у котораго та-
кое громадное пренебреженіе, такой широкій размахъ
сказочнаго богатства, можетъ имѣть всѣ недостатки
міра,—онъ никогда не будетъ мелочнымъ. И такой
комплиментъ въ нашъ денежный вѣкъ далеко не ба-
наленъ.

Русскій чело-
вѣкъ является самымъ талантливымъ по
отношенію къ женщинѣ. Онъ проявляетъ очарова-
тельную и почитательную вѣжливость, которая заста-
вляетъ насъ, французомъ, вспоминать о нашемъ бла-
стическомъ XVIII вѣкѣ и которую мы такъ рѣдко те-
перь встрѣчаемъ въ нашемъ столь интернационали-
зированной и избураженномъ Парижѣ, гдѣ мы,
французы, не чувствуемъ уже себя дома и принуж-
дены, чтобы понимать жителей Парижа, изучать всѣ
языки міра.

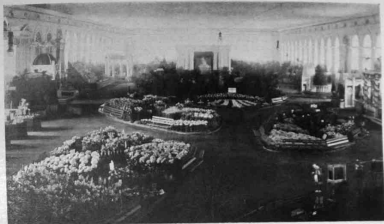
Очень красивъ и изященъ русскій обычай цѣло-
вать руку хозяйки дома послѣ обѣда. Этотъ жестъ
русскій исполняютъ съ большою граціей, и приходится
сознавать, что привычка
цѣловать руку дамы, при-
вычка возникшая впервые
во Франціи, замѣнена нашімъ
сухимъ мужскимъ «shake-
hand'омъ», который сдѣ-
лавало бы предоставить
суффражисткамъ.

Отличная петербургскія
впечатлѣнія, нельзя не упо-
мянуть одного изъ нихъ,
которое больше всего по-
ражаетъ иностранца, за-
рождая въ немъ чувства,
совершенно различныя, въ
зависимости оттого, къ
какой націи онъ принад-
лежитъ. Вы, конечно, уга-
дали, что я имѣю въ виду
русскую армію.

Я говорю объ этомъ
безъ всякой лести и
вполнѣ искренно выра-
жаю свою мысль. Я ви-
дѣлъ войска всѣхъ евро-
пейскихъ государствъ, но
не видѣлъ солдата пре-
краснѣе русскаго. Силь-
ный, высокаго роста, онъ,
тѣмъ не менѣе, сохраняетъ
большую гибкость, а его
плавная и медленная по-
ходка довершаетъ гармо-
нію. Это—живой чело-
вѣкъ, а не деревянный солдатикъ. Это—миллиард-
ная машина, а никакъ не механическая игрушка.

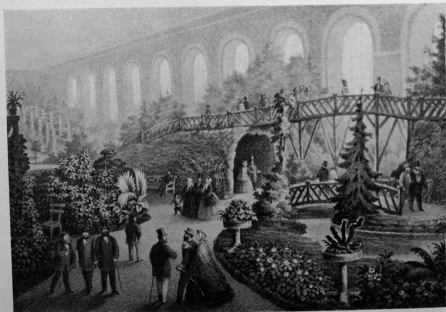
И я едва постигаю ту удивительную причину, бла-
годаря которой Россія одновременно и такая спо-
койная, и такая гордая. Имѣя возможность близко
знать внутреннюю жизнь одного гвардейскаго полка,
считаю своимъ долгомъ сказать, что я былъ пора-
женъ тѣмъ удивительнымъ семейнымъ духомъ, кото-
рый царитъ въ русской арміи. Обычай проходить
всю службу въ одномъ и томъ же полку можетъ
единственно создать эту солидарность, эту несравнен-
ную близость, благодаря которой выраженіе: «frères
d'armes», кажется, специально придумано для русскіхъ
офицеровъ. Въ то время, какъ офицеры другихъ
націй исполняютъ свой долгъ ради чести арміи,
русскіе офицеры исполняютъ его еще больше ради
чести своего полка. Въ большомъ отечествѣ они
создали маленькое, въ большой церкви—притѣль.

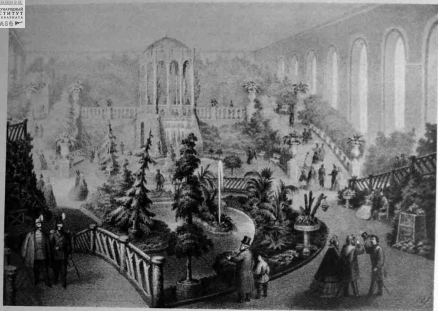

Выставка цвѣтовъ Общества Любителей Садоводства въ манежѣ въ Москвѣ
(въ этомъ году).

Выставка цвѣтовъ въ томъ же Московскомъ манежѣ 50—60 лѣтъ назадъ.
(Со старин. литографіи).

Выставка цветовъ въ Манежѣ въ Москвѣ въ 1861 году. (Со старинной литографіи).
 Изъ коллекціи Е. Н. Посожена.

Портретъ изъ цветовъ первой любовницы О-ва
 Императрицы Александры Феодоровны, супруги Николая I,
 исполненъ худож. В. Баженовымъ.

Рисунки охотничьих собак
(английских художников).
(Из „Ladies' Field“).

„A monsieur Til-Til, son ami—F. Vallotton,
St. Petersburg. 1913“.

Рисунок также Тиль-Тиль принадлежит Г. Э. Галле, сделанный известным французским рисовальщиком Ф. Валлоттоном, во время его пребывания в Петербурге.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— „Рисунки охоты—лошадки, собаки, лиры—всё это рисунки спорта,—занимаютъ въ английскихъ журналахъ добрыхъ 1/2 ихъ страницъ. Это та „непродуктивная“ сторона жизни англосаксовъ, благодаря которой они остаются „первой властью мира“. Всё это пустяки: созданъ сильный народъ, не уступающій въ работоспособности никакому другому...“

— „Да! Мы склонны къ матеріальнымъ серьезностямъ—къ политике, биржѣ, міровымъ вопросамъ, а они толкуютъ о спорте, о собакахъ, о „пустякахъ“... И у нихъ лучше удается все то, что мы считаемъ серьезнымъ!“

Баронесса Е. А. Корфъ со своимъ любимцемъ
бульдогомъ „Тедди“.

НАШИ ЛЮБИМЦЫ.

Г-жа фонъ-Шуль-
манъ съ японской
собачкой „Сада-
Якио“ и ея при-
телемъ сибир-
скимъ котомъ
„Мурзикомъ“.

Бульдогъ „Яшка“ кня-
гини О. И. Оболенской
(на носу у „Яшки“ кусокъ
сахару).

Н. Т. фонъ-
Вангаалъ со
своимъ бульдо-
гомъ „Бобби“.

„Альма“—тигровый бульдогъ
графини А. Ф. Новиковой.

Французскій бул-
„Топпи“
Ю. С. Дювонъ.

„Grand-Prix“
Paris 1900.

1900

1903

1911

„Grand-Prix“
Turin 1911.

Товарищество Мануфактуры
„Эмиль Циндель“
въ Москвѣ.

Лучшія бумажныя ткани для ютныхъ
данскихъ платьевъ.
Мебельныя ткани для дачъ.

Собственные розничные магазины:

Въ Москвѣ:

1) Кузнецк. Мостъ, пос. Солодовникова, 2) Верхн. Тороп.
Ряды, 3) Арбатъ, д. Скворцова.

Въ провинціи:

Въ Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, Ростовѣ н/Д.
и Саратовѣ.

Въ Петербургѣ

издѣлія Товарищества илѣются:

у М-ва „В. А. Таратинъ“, Дольн. Гостиный
Дворъ и въ друг. первоклассныхъ магазинахъ.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

(Изъ записной книжки балетомана).

(Окончаніе).

Балетоманство приносило не мало огорченій тѣмъ, кто жить увлекался. Безобразовъ былъ дѣльнымъ служкой и виднымъ чиновникомъ. Одно время онъ исправлялъ должность товарища министра. Но на него косилось начальство за его увлеченіе балетомъ. Въ тѣ времена, такіе отъ насъ недалеки, начальство смотрѣло на балетъ съ точки зрѣнія ученаго XVI вѣка Гильома Парадена: Будемъ презирать танцы и избѣгать всякаго случая пускаться въ плясъ. Танцы—это шестіе дьявола и его присныхъ. Дьяволъ есть начало, середина и конецъ пляски. Всякій танцевальный шагъ въ пляскѣ приближаетъ пляшущаго къ вратамъ преисподней*.

Не мало страдалъ и Скальковскій въ служебномъ дѣлѣ за эту приверженность къ хореографіи, отъ нашихъ бюрократическихъ Параденовъ. Министръ дѣлалъ ему косвенные упреки, походящие на официальные замѣчанія. Но онъ ловко, быстро и не смущаясь отражалъ бюрократическія брожанія. Въ „серьезной“ и имправленской прессѣ ему тоже нѣрѣдко попадало. „Серьезная“ пресса того времени не могла переносить такого „сытаго легкомыслія“, какъ увлеченіе балетомъ. Казалось бы, кому и увлекаться балетомъ, какъ не поэту? Но и поэту Некрасову, напримеръ, балетъ внушалъ совсѣмъ не соотвѣствующія настроенія. И вмѣсто того, чтобы, сидя въ креслѣ, просто любоваться изящными танцами, поэтъ „мести и вѣсали“, смотря „Коняка Горбунка“, слалалъ вирши, облитыя гражданскою скорбью и почти нескрываемымъ озлобленіемъ:

Чужой ты душаешь, мужикъ мой?
Изъ конскія ты повала обычныхъ,
На умѣ у тебя мужики,
За которыхъ на себѣ стоишь
Питая покаяньемъ вѣчнымъ...

Но Скальковскій мало реагировалъ на насмѣшки, вышучиванія и нападки. Онъ былъ самъ рѣзокъ на языкъ и обладалъ тѣмъ, что называется esprit de gènerie. Задѣвая прямо его было опасно.

Скальковскій былъ небольшого роста и худощавъ. У него была характерная голова съ большимъ открытымъ лбомъ, ушами, съ острыми взглядами глазами, и манера говорить въ носъ; онъ высказывался громко, не стѣсняясь окружающими, говорилъ рѣзко свое мнѣніе, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считаясь. Конечно, это многіе приходилось не по вкусу. Но кто близко зналъ этого выдающагося публициста и остроумнаго фельетониста, тотъ очень цѣнилъ бесѣду съ человѣкомъ блестящимъ и серьезнымъ умомъ. По отношенію къ его близкимъ на балетѣ, никогда нельзя было распознать, говорилъ ли онъ серьезно и убѣжденно объ этомъ искусствѣ или провозглашалъ надъ балетомъ, можетъ быть надъ самимъ собой, а, можетъ быть, и надъ собесѣдникомъ. Но, судя по той любви, съ которой онъ собиралъ свою коллекцію, съ которой онъ писалъ свои критическіе замѣтки и цѣлыя книги, можно догадываться, какъ онъ любилъ это ис-

кусство. Изъ всевозможныхъ источниковъ добывалъ онъ цѣнную свѣдѣнія по исторіи балета, выписывалъ ихъ на клочкахъ своимъ ужаснымъ почеркомъ, заказывалъ переводы статей съ англійскаго, итальянскаго и испанскаго, потомъ все это систематизировалъ, все это одухотворялъ своимъ яркимъ публицистическимъ талантомъ, и выходила книга, полная интереса, остроумія, блеска и занимательности. Сухой матеріалъ, какую-нибудь статистику балетныхъ спектаклей, репертуаръ Миланской хореографической сцены, списокъ танцовщицъ какого-либо вѣка, онъ сознательно не пускалъ въ свои книги, какъ сырье, а перерабатывалъ все это, дѣлалъ наиболѣе характерныя выдержки изъ скучныхъ перечней и преподносилъ ихъ читателямъ въ самомъ пріемлемомъ видѣ.

Критики ругали его за „легкомысліе“, но если бы эти ругатели заглянули въ его черновые матеріалы, они увидѣли бы, сколько любовной энергіи и упорнаго труда потрачено было имъ для написанія такой книги. Я могъ бы убедиться въ этомъ, потому что всѣ эти матеріалы хранятся теперь у меня. Разбираясь въ нихъ, воссоздаешь себѣ картину метода этой кропотливой работы. А читая готовую книгу, думаешь, что все это не больше какъ свободная sauterie изящнаго и остроумнаго conferencier. Я считаю большимъ и цѣннымъ качествомъ писателя, когда не видишь и не чувствуешь его черноваго труда и рабочаго пота. Но какъ немногимъ дается скрыть это!

За годъ до смерти, какъ-то въ балетѣ, Скальковскій сказалъ мнѣ:

— Когда умру, все, что у меня есть по балету, передайте вамъ по завѣщанію.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я какъ-то спросилъ его, много ли у него собрано по балету, совершенно забыть о предидущемъ разговорѣ.

— Я еще не умеръ,—сейчасъ отвѣтилъ онъ.—И, какъ я сказалъ, все будетъ вамъ...

Онъ умеръ внезапно. Тѣмъ не менѣе, его душеприкащикъ, докторъ В. Б. Бертенсонъ, самъ даровитый мемуаристъ, любезно предоставилъ мнѣ пріобрѣсти коллекцію Скальковскаго, которая оказалась интересной. У него было собрано до 3 тысячъ фотографій хореографовъ и артистовъ за XVIII и XIX ст., башмаки Эльслера и Тальони, Цукки, Брианца и другихъ выдающихся балеринъ. Гравюры и литографіи не много было. Рукописный и печатный матеріалъ, сдѣланныхъ и начатыхъ работъ, любезно предоставилъ мнѣ въ собственность С. Л. Бертенсонъ, и этого матеріала оказалась цѣлая ящикъ.

К. А. Скальковскій былъ поклонникомъ иностранныхъ, преимущественно итальянскихъ балеринъ, и плохо признавалъ нашихъ. Онъ относился къ нимъ скептически. Дѣйствительно, въ это время существовала цѣлая плеяда итальянскихъ, виртуозно-техническихъ танца, который тогда цѣнились очень высоко. Это были Брианца, Лимидо Дель-Эра, Левинни. Кромѣ того, Цукки, превосходная минимистка, но неважная клас-

...кая танцовщица, заставлявшая, однако, забывать недостатки виртуозности безподобным драматизированием танца. Наши балерины, не желая уступать итальянкам, стали обращать внимание на технику классического танца, на драматическую выразительность его, и вскоре и у нас образовался кадр первоклассных, теперь европейских известнейших, балерин: Кшесинская, Павлова, Трефилова, Карсавина. Что бы о них сказать сейчас Скалковский, если бы был жив? Уверен, что, с обычной своей искренностью и прямоотой, круто переменял бы свое мнение.

Особенно увлекался он Цукки и не мало страшился испугать осторожными похвалами ее талант. Но об этом когда-нибудь послѣ.

Вот несколько виднѣйших балетомановъ первого ряда изъ недалекого прошлаго. Теперь они переселились въ царство тѣней.

Борьба за обладаніе однимъ изъ 24 креселъ первого ряда ведется, кажется, съ не меньшей страстностью, чѣмъ и борьба за обладаніе однимъ изъ 40 креселъ французской Академіи "Безсмертныхъ". Часто на первой же панихидѣ по усопшемъ абонентъ уже подымается среди его друзей въ вопросъ объ унаслѣдованіи его кресла. И чего, чего только ни дѣлается, чтобы получить одно изъ этихъ вожделѣнныхъ 24 креселъ, съ которыми связано званіе балетомана, старѣйшаго абонента. Теперь уже къ "званію" балетомана не относятся такъ иронически, какъ во времена Скалковскаго, хотя изрѣдка все еще появляются ископаемые субъекты, печатно предлагающіе, въ тонѣ

библейскихъ пророковъ, "бичами разогнать балетомановъ первого ряда ради чистоты искусства", а глядишь и самъ такой пророкъ лезе въ комфортабельно усаженный въ такое кресло, случайно уступленный ему на одинъ разъ. И по глупо-блаженному его виду чувствуется, какъ онъ желалъ бы въ немъ укрѣпиться навсегда и стать "однимъ изъ двадцати четырехъ".

Балетоманы долгое время составляли довольно замкнутую касту, сплоченный кружокъ, объединенный интересами любимаго ими искусства. Доступъ въ этотъ кружокъ былъ затруднителенъ, и, прежде чѣмъ получить въ немъ признаніе, нужно было пройти извѣстный стажъ, доказавъ свою преданность балету. Балетоманы первого ряда жили въ тѣснѣйшемъ общеніи и въ дружественныхъ отношеніяхъ между собою и артистами.

Теперь не то.

Первый ударъ балетоманству нанесла дирекція, сдѣлавъ изъ одного три абонеента. Въ театръ вошли новые элементы, залъ демократизировался, потерялъ свою замкнутую интимность... Новые абоненты съ жадностью кинулись въ балетъ и сейчасъ же утомились, и стали манкировать посѣщеніями. У нихъ не оказалось ни любви къ этому "искусству для немногихъ", ни желанія лидерства прежнихъ балетомановъ. Они тотчасъ же стали жаловаться, что имъ даютъ одинъ и тотъ же балетъ два раза въ сезонъ. Но Скалковскій смотрѣлъ "Конька Горбушка" 146 разъ... И не скучалъ. А новые абоненты сидятъ въ залѣ съ равнодушнымъ и скучающимъ видомъ, холодные къ исполненію, лядые на аплодисменты. Они пришли сюда, чуждые искусству и слаженнымъ лишь модой...

В. СКАЛКОВСКИЙ.

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИИ В. Я. СВѢТЛОВА.

Афиша работы Л. Бакста, которая была раскрыта на улицахъ Парижа передъ первымъ представленіемъ оперы Габриэля д'Аннуио "Мученикъ Св. Себастьяна"—роль Себастьяна исполнила петербургская актриса Ида Рубинштейнъ, для нея и была написана эта пьеса.
Вверху (надъ афишей) шесть акварелей, представляющихъ Штутгартскій придворный балетъ 1826 года; по бокамъ для панно работы худ. Валентина Гросса.

НАШИ РЕДАКТОРЫ.

Владиміръ Набоковъ.

(Шаржъ Дени).

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА КН. А. А. и Е. М. КУРАКИНЫХ.

Среди стоять книг: Е. М. Куракина, княжна Е. В. Шаловская, княжна М. В. Шаловская, науки князя и княгини А. Н. Шибеево (сынъ нашего посла въ Вѣнѣ), иллюстрац. Кавалергардскаго полка, кн. Б. И. Куракинъ (въ матрос. костюмѣ), кн. М. Н. Шербатовъ, кн. А. А. Куракинъ, Г. Н. Шибеево, сынъ посла въ Вѣнѣ (спинетъ).

Сидеть: княз. С. В. Шербатова (проезд. княжна Шаловская), княжна А. И. Куракина, кн. А. М. Куракинъ, кн. Д. И. Куракинъ, княжна К. В. Шаловская, княжна Т. В. Шаловская, княжна Н. И. Куракина, княжна Ирина На. Куракина, княжна Е. Н. Куракина.

За столомъ между оконъ: кн. А. А. Куракинъ, княз. Е. М. Куракинъ.

Направо отъ нихъ: оберъ-егеря, И. П. Балашовъ, свѣта. кн. О. П. Волковская, тофи. А. Г. Булыгинъ, граф. А. Г. Толстая, поч. совѣт. А. Ф. Козель, граф. Л. А. Мусина-Пушкина, свѣта. кн. П. Д. Волковскій, граф. С. С. Игнатьева, П. Н. Дурново, статсъ-дама А. А. Кооски, егеря, И. П. Балашовъ, граф. Е. А. Поклеръ, рожд. кн. Куракина, кн. Б. А. Куракинъ, княз. Ивергискиа, наст. Серг. Собора о. Юзифъ Моревъ, кавалерственная дама Н. И. Орловская, М. М. Бибикова.

Направо отъ нихъ: Е. Г. Дурново, графъ С. А. Толь, О. Н. Булыгина.

За дружины столъ, свѣта князь Е. И. Всеволодская, гр. А. П. Толстой, граф. С. А. Мусина-Пушкина, кн. А. Б. Куракинъ, орловскій арест. двор.

ТАНЦЫ АЙСЕДОРЫ ДУНКАНЪ.

(Впечатлѣнiя).

На-дняхъ въ Петербургъ прѣхали брать Айседора Дунканъ и съ четыре ученицы. Айседора Дунканъ—производительница „бесовскихъ“.

Айседора Дунканъ открыла въ Бель-Вю (около Паркова) школу, въ которой будутъ обучаться 50 дѣточекъ и мальчиковъ. Десать изъ нихъ рѣшено вывезти изъ Россіи.

Школа Айседоры Дунканъ, по ея собственнымъ словамъ, — „сблизитъ людей съ прекрасной природою, связь съ которой они утратили, вернутъ людямъ къ красотѣ греческаго міра, къ той красотѣ, которая изображена на статуяхъ, греческомъ языкѣ, статуэткахъ Тавиры“ и т. д.

Впечатлѣнiе отъ танцевъ ученицъ Айседоры Дунканъ дѣлительно красивое. Одно только: несколько выказываются вопросы, какъ будутъ жить тѣ, кто окончатъ эту школу Айседоры Дунканъ, пробывши тамъ съ пятилѣтнимъ возрастомъ совершеннолѣтій и научившись красивому танцеванію, а не борясь за жизнь. Также и жаль климатъ: въ босній югъ, въ греческаго тога не подходитъ.

Тѣмъ же мѣсто, очень красиво!

Снѣгъ мнѣнiй коверъ, подумайтесь... Крутомъ, вплотную къ коверу зрителя. Зрители и актеры такъ бысто другъ къ другу—это дѣлоко нарушать впечатлѣнiе отъ того, что будетъ „представляться“.

Но здесь этого не случилось.

В первый момент, когда средоточия вышли на ковер для дзюдоиста, босиком, с голыми ногами, в легком греческом костюме, явился на момент славы человечества. Но только на момент. Уже через минуту, когда уже звуки ролей дзюдоиста стали плавными, красивыми, по цене — коври, нежность исчезла. Красное затуманило залоту, непривычную нашему глазу, затуманило и тоже непривычную странность обстановки.

Оні почали іменно „ходити“, не танцювати, а ходити. Потому бігали, прыгали, потом танцювали подь музику Шопена...

Здесь собрались представители печати, артисты; сидят за мною сестры; один из бывших танцовщиц балета, теперь преподавательница Императорской балетной школы. Сначала всё молчали, кое-кто иронически улыбался, а потом стали слышаться замечания: „Президиум“, „Клуб красаво“.

Потому всё аппроксими-
вали, аппроксимовали, дошли...

Когда выпали маленькие дети, двояко 5—8 лет, и жулики, аспирин, — так как они обучались всего 2 дня, но со свойственной ребяку, от природы данной, тайной стали также ходить по чужим, бегать, прыгать и припрыгивать. Но с тем же пылом, что было тоже красиво. Но крайней мере, были былые злые, пресыщенные злыми, и что жидовские и бродяжьи, — как они сплелись нам, пестерюгами, а журналистам в особенности, — всё было доволно, всё уязвимо и аналитично.

И ноги странно: голые
двушпиль, почти голые,
почти шпильную кь зритель-
датель, и канкану аь ушь
не пришло, что это не-
прилично! А когда охотил
сь ногь до головы жён-
щины, даже знаю и то
охотил (если можно такъ
сказать), танцуетъ тавго,
что возбуждаетъ мысля,
здесь отъ красоты.

Тутъ голосъ, тамъ свѣ-
тое—здѣсь красиво и нѣтъ
мысли о непримеченіи, а тамъ
свѣтое и непримечено.
Эпилогъ.

A black and white photograph of a woman standing, wearing a long, light-colored, draped garment, possibly a sari or a long dress, with a dark shawl or wrap over her left shoulder. She is looking slightly to the right. The photograph is mounted on a dark album page.

27

Принц Heinrich
на борту
„Cap Trafalgar“.

Федор
написал
сценарий.

Ром Фед. Фудель—новый пресса
Всероссийского футбольного клуба.

На океанских пароходах в тропиках принято гулять по палубе ранней утром, часов до 7, в купальном халате, в купальнике туфлях, иногда босиком. Трудно выдумать что-либо приятнее этой прогулки из ливней влажного воздуха, при ярком солнце, среди океана, почти всегда спокойного в тропиках. Какие потемки свежести в организме, какой аппетит!

Всего три года назад самым большим пароходом, ходившим из Европы в Южную Америку (в Бразилию и Аргентину), были 13.000 тонов английской „Astoria“. На деньгах пошел в первый рейс из Буэнос-Айреса немецкий „Cap Trafalgar“ уже в 23.000 тонн и со скоростью около 17 узлов, тогда как „Astoria“ делала только 15.

Поблиз по тропическому океану езда еще приятнее, комфортабельнее.

Принц Heinrich посетил Аргентину с первым рейсом нового парохода. В порту Буэнос-Айреса была торжественная встреча, устроились немецкой колонией.

Керует 15-го уланского Татарского полка В. И. Минулин, прибывший верхом из Пскова из С.-Петербурга в „Днепр“ за. Боевика. Ростом был 1.200 черств В. И. Минулин сидел в 12 дней без дневной.

Совхоз
А. Давыдов.

Англичане не заставят долго ждать себя и пустят в Южную Америку такие же классы, если не больше.

В 1901 году лучшим пассажирским пароходом была немецкая „Wilhelm II“—26.000 тонн; до 1907 году английские „Mauretania“ и „Lusitania“ по 45.000; в 1913 году немецкий „Imperator“ 65.000 тонн и сейчас готовы немецкий „Vaterland“ и английский „Aquitania“ по 67.000 тонн!

Почему мы здесь много этого говорим? Потому, что одно из величайших удовольствий, доступных сейчас людям,—океанские поездки на этих кораблях. Мы, русские, все боимся, что сожалеют, океанские путешествия.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В. А. ВЕРЩАГИНЪ, „Памени Прошлого“, (Статьи и заметки). Спб. 1914 г. Тип. Савиусъ 5 руб.

Вас. Андр. Верещагинъ—один из наших пионеров в области истории художественной жизни и стремления к изучению,—и притом любознательный, эстетическому изучению старины, и старины нежной, так долго преданной забвению исследователями XIX столетия. Он—первый реалист, жаждавший только, журналы „Старые Годы“. Он—один из первых писателей нашей культуры, мебели, бродяги, вьера, костюма, старой, книги. Он и сам страстный любитель красивой книги и потому все, что выходило из-под его пера, всегда являлось интересным по содержанию и было красиво внешне.

Перед нами не первый из самостоятельно издаваемых им трудов: „История Русской Карикатуры“ закончена уже три десятилетия; „Русский Иллюстрированный Издатель“ и „Русский Книжный Завод“ уже распадаются. А при крайне ограниченном круге нашей публики, интересующейся серьезно историческую литературу об искусстве—это был большой успех!

Настоящее издание представляет сводку напечатанного В. А. Верещагинъ в разныя журналы, преимущественно в „Старые Годы“, а также и в них. Между прочим, в сборник вошел и очерк В. А., помеченный № 2 „Старина и Усадьба“, „Книжки Авдеев“.

Но в переиздании и много нового. Прибавлено значительное количество интереснейших иллюстраций, книга украшена обильно заставками и снабжена бесчисленной обложкой и фронтисписом.

В сборник вошли: „Разорение Гибло“ (им. к. Голышевский „Зубриловка“), „Русская жизнь в отечественную войну“, „Жизнь моды Александровского времени“, „Взвеш и графы“, „Очерки творчества Тютчева“, „Русская и иностранная книга. Жизнь культуры в большом количестве заметок: „об английской серебри“, „о старом швейцарии“ и т. д.

К недостаткам книги (думается, ощущаемым и самим автором-издателем, прекрасным знатоком эстетики книги), к

„Вознесение Магдалины“.—З. Н. Липгарта. Приобретена французским правительством, хранится в одном из музеев Франции.

неодолжкам, микрофильмам и, если можно так выразиться, нежеланным, и тем не менее самым охотнее вхожу в библиотеку, вестру или читальню. Самый лучший вариант, на мой взгляд, — читать книги. Самый лучший вариант — читать книги, на которых нет репродукции, да еще не в приватной или публичной библиотеке, а дома. Это, по моему мнению, очень распространённый, обычный казус: владельцы книг на картонных коробках и терпеть не могут приватный странный, озадаченный и гладкий вид, даётся тяжелое и неудобное для чтения...

Весь материал труд, повторяем, заключается интересный, богатый и красивый материал и, надо надеяться, что книга вскоре

становить такую же библиографическую рьяность, как и те издания, из которых первоначально были напечатаны статьи, вошедшие в сборник. Опыт подобной изданий («Воспоминания» бар. Н. Н. Врангеля, «Страницы Художественной Критики» С. К. Миконского) доказывает это.

ЯРОСЛАВСКАЯ ЭКСПЕРТНАЯ КОМИССИЯ издала обзор старини Ярославля. Это галерея образов, статьи мастеров-исследователей. «Ярославское искусство» написал Н. А. Тихомировым. Им же составлены очерки: «Древние ярославские памятники, древнерусская». Перехватывая название очерки: «Художественная старина в Ярославских храмах».

ЮР. ШАМУРИНЪ, Подмосковный. Часть II, изд. Т-ва „Образование“, 11, 2 р. 25 к.

[illegible]

Въ общемъ книга издана лучше, чѣмъ всѣ предыдущіе сборники „Образованія“ и оставляетъ пріятное впечатлѣніе.

CH. GIMOND ET M. C. POINSOT, «LA VIE GALANTE AUX
TUILERIES SOUS LE SECOND EMPIRE»

В этой, хорошо написанной, но слишком «откровенной», книге упоминается и о наших соотечественниках.

Принцесса Матильда, дочь Жерома Бонапарта, короля Вестфальского, брата Наполеона I-го, следовательно, племянница Наполеона III, была, как известно, замужем за русским богачем Анатолием Демидовым. Несчастный, чвалявший самогубь — Демидов обращался с женой деспотически. Проблкая через Флоренцию, где жила Демидова, Император Николай Павлович, которому принцесса Матильда, как супруга короля Виртембергского, приходилась также родственницей, охарактеризовала ее мужа следующим образом:

— Вы же знаете, за какого канала вышел заужь.

Принцесса Матильда обижено сообщила:

— Со стороны Вашего Величества не вежливо и несправедливо отзываться так о человеке, который является моим мужем.

— Благое дитя, — возразил Император — когда-нибудь вы узнаете, что это правда и тогда обратитесь ко мне за помощью. Будьте уверены в искренности моего сострадания.

И Государь оказался прав.

Через пять лет, после этого разговора Демидов, из преданной ревности, судящему, на базу ударил Принцессу Матильду по яму. Она приехала из зашнурованных Гусаров, и Николай Павлович заставил Демидова выдать жене в содержание по двести тысяч франков в год и запретил ему садиться туда, где она будет проживать.

К числу общероссийских кружков, блиставших при дворе Николая III, принадлежала княжна Софья Трубецкая, по мужу герцогиня Морин. Морин жила за ней с бытность-свою посаженником при русском дворе. Самоубийца, не пришедшая викариус стáнции, она старалась, насколько возможно, держаться на стороне от шумной и веселой жизни дворцовых кружков, хотя бороться с ними совсем не позволяла ей высокое положение

АВТОМОБИЛИ БЕРЛИЕ
ВСЕГДА НА СКЛАДѢ ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

У Т-ВА ИНЖЕНЕРОВЪ «ПОКРОВСКІЙ И ФЕРРАБЕНДЪ»

СПБ., МОЙКА, 53. ТЕЛЕФ. 427-50, 225-03.

пука. Сь другой стороны, она искренно любила Морни и, когда оть уверя, ея горе граничило съ отчаяниемъ. Она мылила, чтобы ея похоронили вмѣстѣ съ нимъ и, по русскому обычаю (?) , обрядъ свои худшие волосы, сложила ихъ въ руку покойнаго. Даогое время ему накрывала приборъ въ столовой, словно она ожидала, что явится его тѣло и займетъ обычное свое мѣсто. Но однажды, разбирая бумаги покойнаго, она наткнулась на большую связку любовныхъ писемъ, отъ которыхъ, казалось, и теперь все еще влило промочить стрѣнными лезвья. Прочитавъ ихъ, она убѣдилась, что любимый человекъ возмѣнилъ ей на каждомъ шагу. Тогда она точасъ же сняла трауръ, возобновила прически и изъ безутѣшной вдовы прераспалась вновь въ веселую светскую женщину. Выходящею она вышла замужъ за испанскаго герцога де Сесто.

Опечатана. Въ № 8 „Ст. и Ус.“, на страницѣ 26 фамилия издательской фирмы напечатана „А. А. Бонинъ“, а нужно „К. Э. Бонинъ“.

При дворѣ часто играли въ „маленькія буажки“, тѣмъи слазали — въ вопросы и отвѣты. Вотъ какъ отвѣчала три знатныя дамы на вопросъ: что такое платоническая любовь?

— Это бисонтикъ, котораго касаются члвкомъ и который кладутъ обратно на тарелку, — сказала одна.

— Это кровать, на которую ложится, не раскрывая одеяла, — отозвалась вторая.

— Маленькая ромка лирика, возбуждающая жажду, — объяснила третья.

А вотъ какъ характеризуютъ сами авторы описываемое ими время:

...Какъ господа Помпадуръ олицетворяла эпоху Людовика XV, такъ Офренбаль является символомъ второй имперіи...

Редакторъ-издатель Ва. Крымовъ.

ТРЕХЪ МѢСЯЦЕ (нѣсколько измѣненное и дополненное).

В.А. КРЫМОВЪ. О РАБОТѢ МОНТЕ-КАРЛО, ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ, ГАСТРОНОМІИ, МОДАХЪ И О ПРОЧЕМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: О Монте-Карло и играхъ. — О литературе, портретовъ, гастрономіи и другихъ. — Въ полѣхъ въ Южн. Америку. — Въ полѣхъ въ Сѣв. Америку и по Зап. Европѣ. — Кинематографъ мысли.

Выписыв. изъ редакціи „Столица и Усадьба“ ПЕРЕСЫЛКА БЕЗПЛАТНО.

НОВАЯ КНИГА: ВЛ. КРЫМОВЪ.

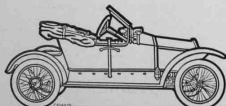
(Два томка)

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Въ странѣ знамйаверовъ. — Газеты и реклама. — По Весты-Индіи. — Въ Панамѣ. — Въ странѣ любви и землетрясеній. — Кинематографъ мысли. — Странные рассказы. — Монте-Карло.

Книга со склада вся разошлась.

РАЗСРОЧКА ПО 75 Р. ВЪ МЯСЯЦЪ

ВРЕМЕННЫЙ ГАРАЖЪ ПО 10 Р. ВЪ МЯС.

ДЕШЕВЛЕ ВСЯГО ДРУГОГО
СПОСОБА ПЕРЕВЪЖЕНІЯ
ВЪАПОРЕТКА

„HUMBERETTE“

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„ПОБѢДА“

СПЕ. МОЙКА БІ

ДЛЯ СВОЕГО РОДИТЕЛЬНОГО МЫЛА

А. ЭНГЛУНДЪ

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглуна въ крас. черн. и верну С.-Петербургской Коммерческой Лабораторіи, которая нѣмаетъ въ себя этикетки. Получать можно во всѣхъ лавкахъ, аптекахъ, лѣкарн., косметик. и парфюм. складахъ Рос. Имперіи. Главныя агентствъ и склады фирмы для Европы: Виза-Лео Глаубаухъ, Кертнер Рингъ & Фишъ—Е. Лотаръ. Главныя складъ для всей Россіи

А. ЭНГЛУНДЪ,
Спб., Владимирская нѣ, 13.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАВАНІЯ. ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ КРАСНАГО КРЕСТА.

ПЕТЕРБУРГЪ. Худ.-историч. очерки и обзоръ художествен. богатства столицы. Сост. В. В. Курбатовъ; рис. портреты и книжныя украш. А. П. Остроумова. Любитель. 300 иллюстр., около 100 стр., тѣтъна въ 16 бум. Цѣна въ тѣтъна, экзмп., перепл. 3 р. 30 к. безъ перепл. **КОСТЮМА.** Худ.-истор. очерки и иллюстраціи. Сост. В. В. Г. Лавровскій, перепл. по рис. худ. И. Билибина. Цѣна 300 иллюстр., болѣе 400 стр., тѣтъна. Въ тѣтъна, экзмп., перепл. 3 р. безъ перепл. **ПАВЛОВСКІЯ.** Худож.-историч. очерки и иллюстраціи. Сост. В. В. Курбатовъ (2 изданіе, перепл. экзмп., в. экзмп.; 100 иллюстр. съ надпис. Дворца, парка, сада, оранжереи, а также оранж., чертенью вѣтлвхъ дощикъ. Цѣна въ тѣтъна, экзмп., перепл. 2 руб. безъ перепл. **Пѣтъна** ограниченной экзмп., экзмп., экзмп., по 30 руб. **Пѣтъна** 2 руб. безъ перепл. **ВЪЗМ. ПЕТЕРБУРГА** въ деревенныхъ деревняхъ (экзмп., А. П. Остроумова-Лавровскій). Цѣна экзмп. въ 20 экзмп. съ экзмп., 2 руб. **В. Рукотвор. С. С. Свѣтъ.** А. Н. С. Свѣтъ, М. В. Добужинскій, К. А. Свѣтъ и С. П. Свѣтъ. Цѣна экзмп. въ 25 экзмп. съ экзмп., 2 руб. 30 коп. **ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.** Сочинен. съ картинъ русскихъ художниковъ.

СЛАВНЫ ИЗДАВАНІЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ:

въ С.-Петербургѣ главныя и для многоразлвхъ, Писка, Старорусская, 3. Общине св. Евгеніи. Герасовск. С.-Петербургъ. Маркса, 38. Въ Москвѣ: Кузнецкой мостѣ, домъ Тверскаго павильона.